

Частеречная трансформация как троп в современной поэзии (взаимодействие рефлексов бывшего перфекта)

Людмила Зубова

Ситуация в современной поэзии во многом определяется философией и эстетикой постмодернизма, которая и продолжает традиции авангарда, и отталкивается от них. Мир и язык перестали рассматриваться как система бинарных оппозиций. Ключевой момент постмодернистского мироощущения — признание того, что реальность изначально многозначна, неупорядоченна и процессуальна. В литературе XX в. внимание перенесено с результата познания мира на процесс познания, на переходные состояния, трансформации [см.: Ковтунова, 1990: 11; 1993: 9].

Основной принцип постмодернизма — эклектика и двойное или множественное кодирование, предоставляющее разные возможности понимания [см., напр.: Гройс, 1995: 47–48].

Установка на множественность и неопределенность реляционных значений приводит к тому, что грамматическая форма часто становится тропом: активизируется омонимия формообразующих флексий, создаются контексты, провоцирующие морфологическую и синтаксическую двусмысленность. В результате становятся наглядными условия и механизм трансформаций. Диахрония настойчиво внедряется в синхронию, сама эволюция форм становится художественным образом.

Рассмотрим это явление на формах перфектного происхождения — глагольных и адъективных коррелятах типа *устал* — *усталый*.

Современный глагол прошедшего времени происходит из древнего краткого перфективного причастия, которое в сочета-

нии с глаголом-связкой *быть* входило в состав перфекта. В древнерусском и старославянском языках, как и во многих современных индоевропейских, “перфект представляет нынешнее состояние как результат прошлых событий, а поэтому его можно назвать ретроспективной разновидностью настоящего времени” [Есперсен, 1958: 314]. Основным различительным признаком перфекта являлось качество субъекта, возникшее в прошлом действии или состоянии и актуальное для настоящего: *онъ есть забыль (забылый)* означало ‘теперь он является забывшим’. Для семантики перфекта существенна его субъективность, предполагающая аффективное участие говорящего, потребность специально обратить внимание на результат [см. напр.: Кузнецов, 1959: 195; Бехерт, 1982: 426, 428; Кашкин, 1980: 69].

Причастие совмещает в себе признаки прилагательного и глагола, и при распадении древней системы времен краткое причастие стало в русском языке носителем глагольной функции, а полное — адъективной. Это привело к появлению коррелятивных пар типа *горел - горелый, устал - усталый*.

Однако это соотношение в современном языке далеко от регулярности, а нерегулярность указывает на разную степень адъективации форм на *-лый*.

Во-первых, есть такие прилагательные без соответствующих производящих глаголов: *заядлый, квёлый, рыхлый, унылый* (в результате фонетических изменений и морфологического опрощения они отдалены от современных глаголов *есть, цвести, рыть, ныть* пропущенными звеньями словообразования).¹ Глагольность таких прилагательных можно считать утраченной.

Во-вторых, многие прилагательные лексикализуются в переносном значении, утрачивая прямое: *отсталый, пошлый, беглый, оседлый*. Иногда это приводит к фразеологической связанности: *впалый* (только о частях тела), *снулый* (только о рыбе), *постоялый* (только двор). Чем больше сужается значение прилагательного, тем меньше глагольности в нем остается.

¹ Не исключено, что генетически связаны с перфектом и прилагательные *белый, весёлый, голый, дебелий, комоый, круглый, малый, милый, наглый, подлый, светлый, смуглый, сутулый, тёпый, тяжёлый, утлый, хилый, целый*. Во всяком случае, их суффикс *-л* омонимичен суффиксу перфективного причастия.

В третьих, помимо употребительных прилагательных типа *усталый, горелый, вялый, заплесневелый, облезлый, пухлый, бывалый, умелый, престарелый, прошлый* есть немало совсем редких — зафиксированных словарями, но не входящих в активный словарный запас современного носителя языка: *жевалый, зимовалый, опоздалый, побежалый, упалый, сиделый, стоялый, обветрелый, вспотелый, опростелый, вымоклый* и мн. др.² Сравнение употребительных и редких слов такого типа показывает, что именно освоенность прилагательного языком способствует ослаблению глагольности (обычная деэтимологизация, свойственная и языковой метафоре в отличие от художественной).

Некоторые прилагательные легко присоединяют разнообразные префиксы, что способствует сохранению глагольности: *горелый, загорелый, обгорелый, подгорелый, перегорелый, пригорелый, погорелый, угорелый*, некоторые же совсем не подвержены префиксации и поэтому быстро теряют связь с глаголами (хотя однокоренные глаголы и есть в современном языке) и деэтимологизируются: *дохлый, дряхлый, дряблый, рыхлый, смелый, чухлый, цуплый*. Тенденцию к деэтимологизации проявляют все прилагательные перфективного происхождения, так как она имеет вполне ясные психологические основания: “Когда мы говорим *мерзлая говядина*, мы думаем не столько о том, что она замерзла, сколько о том, **какая** она: холодная, твердая, невкусная и т.д. При словах *заржавелый ключ* нам прежде всего представляется **цвет** ключа, а не то, что он когда-то был чист, а потом заржавел” [Пешковский, 1938: 100].

В. В. Виноградов установил связь употребительности прилагательных на *-лый* с продуктивностью глагольных классов (прилагательные, произведенные от непродуктивных классов, “составляют окаменевшую группу слов, относящуюся, по крайней мере, не к грамматике, а к словарю”), переходностью и возвратностью глаголов (“все прилагательные этого типа образуются только от непереходных невозвратных глаголов”) [Виноградов, 1972: 180]. Краткие же формы прилагательных “употребляются лишь в тех случаях, когда они не омонимичны с формами прошедшего времени глагола или когда эта омонимия не создает неудобств для понимания, не ведет к двусмыслице” [там же].

² Примеры из Обратного словаря русского языка.

Очевидно, что чем устойчивее следы глагольности в современном прилагательном, тем больше оно сохраняет в себе значение прошедшего времени, вида и способа глагольного действия. Именно эти грамматические значения, системно не свойственные категории прилагательного³, но в разной степени унаследованные от перфективного причастия, и могут стать основой грамматического тропа.

Поскольку “две стороны значения перфекта [настоящего и прошедшего времени — Л.З.] трудно удержать в состоянии устойчивого равновесия” [Есперсен, 1958: 315], современные русские рефлекс перфекта — прилагательное и глагол постоянно влияют друг на друга, создавая обширную пограничную область грамматической не-определенности.

Современная поэзия проявляет повышенное внимание к неопределенности, а также к заполнению пустых клеток системы и к восстановлению утраченных звеньев в слово- и формообразовании. Авторы не избегают омонимии глагола и прилагательного в конструкциях типа *Как он смел!*, а, напротив, создают для нее благоприятные условия.

Многочисленные примеры из текстов показывают, что у глагола прошедшего времени потенциально присутствуют и могут вновь проявиться атрибутивные признаки, а у прилагательного — потенциальные предикативные. Иногда это прямо декларируется. Так, у В. Кальпиди грамматическая двойственность слова *выпуска* отмечается автокомментарием:

Обида за любовь и за
отсутствие любви —
росы внезрачная слеза,
что **выпуска** в пыли.
[Кальпиди, 1995: 90].

³ Впрочем, в русском языке есть немало отглагольных прилагательных не только перфективного происхождения. Все они сохраняют связь со значением действия или состояния: *молчаливый, терпеливый, забывчивый, ломкий, ликий* и т.п. [см.: Виноградов, 1972: 174]. Генетическая связь с глаголом имеется и у таких прилагательных, как *старый, хитрый* (← стати — ‘стать’, хытити — ‘похищать’); ср. вполне живую связь: *хворый — хворать*.

“В данном случае я подставил образ-штамп “слеза=роса”, слегка подретушировав его кратким прилагательным *выпукла*, у которого двойная функция: определения и сказуемого” [Кальпиди, 1995: 101].

Контекстов, в которых глагол предстает кратким прилагательным (сохраняя при этом и глагольность), очень много, особенно со словом *устал*. В современном русском языке соотносительность глагола *устал* и прилагательного *усталый* вполне системна и хорошо ощутима:

Юля, Юленька, Юля Петровна спешит,
Что-то там про себя напевая.
А в груди коммунарное пламя горит!
Ах, училка ты, свинка морская!

Ах, устала она, но довольна она —
торт “Славянка” для мамы достала.
И спешит и скользит ... А вчера допоздна
сочиненья она проверяла
[Кибиров, 1994: 105].

В этом тексте адъективность слова *устала* поддерживается как синтаксически однородным *довольна*, так и фразеологической ассоциацией — штампом школьных сочинений *усталые, но довольные*. В следующих примерах однородное краткое прилагательное тоже адъективирует глагол, однако глагольность сохраняется благодаря возможности конструкций типа *я стар и хочу покоя*, в которых союз *и* может быть не только соединительным, но и причинным:

Нет, ни за что не поеду
и рассказам вашим не верю
Что за младенец грядущий?
Стар я уже и устал
Трудно без помощи слуг
нынче мне сесть на верблюда
[Стратановский, 1993: 123];

С некрасивых колоколен
Наковальный звон упал;
Мир пустынен и околел,
И своим добром завален,
И от этого устал,
И о чем-то знает он:

Лучше быть ему бродягой,
Попрошайкой, бедолагой,
Неказистым воробьем...

[Мартынова, 1991: 208].

Средний род актуализирует окказиональность формы и усиливает ее грамматическую неопределенность:

Как ныне прощается с телом душа.

Проститься, знать, время настало.

Она — еще, право, куда хороша,

Оно — пожило и устало.

“Прощай, мой товарищ, мой верный нога,

проститься настало нам время.

И ты, ненадежный, но добрый слуга,

что сеял зазря свое семя.

И ты, мой язык, неразумный хазар,

умолкни навеки, окончен базар”

[Лосев, 1985: 95];

Тогда — навыверт знания и зренья,

иссеклась мысль — во: в небо бьющий Нил.

Но мутнышко **заядло** в ней **созрело**, —

пузырь безуминки, и чуть: чернил

[Бобьшев, 1992 (б): 114].

Во втором из этих примеров слово *заядло* имеет признаки и прилагательного, и наречия, поскольку окказиональная форма может входить в сочетания *мутнышко заядло* и *заядло созрело*.

Окказиональный глагольный (или адъективный краткий) коррелят к узуальному полному прилагательному приводит к делексистикализации этого прилагательного:

Содержится ль — как “что-то” — в прахе?

мы — среди останков: “как-то” там

не просто ... не одни останки ... —

(быть может — и движенья нет ...)

я — **заскорузл** — из древней глуби нов

забытой мною прямоюй:

я — сплю — давно духовным сном

а снег

работает в полях — в ложбинах — как крестьянин

[Айги, 1995: 13];

Как все превращается в гниль и смердь!
Треугольный траурный ноготок
Обвисшего клена — трухляв и жухл,
И раскрошена дорогая ткань
[Юрьев, 1992: 149].

Соответствующие формы глагола прошедшего времени мужского рода в современном языке образуются не так, как в приведенных текстах: без суффикса *-л* или, возможно, с суффиксом *-ну*: *заскоруз*, *заскорузул* и *жух*, *жухнул*. При этом, вероятно, существенно, что все они являются редкими, следовательно, в практике нормативной, стилистически нейтральной речи место этих глаголов фактически не занято.

Возможно прочтение глагола причастием-определением и вне подкрепления однородным атрибутом, поскольку присвязочный предикатив в составном именном сказуемом может быть выражен и прилагательным, и глаголом, и совмещающим их признаки причастием:

Словодырь — подзреваю себя.
Умнолей — я обхожу себя.
Вот я — навсегда я.
Я — навсегда **устал**.
Мне — **тихо**
[Аронзон, 1992: 203];

И опять напрягается ухо —
плещет ветер, визжит колесо, —
и **постыла** простая наука
не заглядывать правде в лицо
[Кенжеев, 1993: 61];

— Что ты, мумия золотая,
вся иссохла на дне фараона,
отпали твои саркофаги,
ты,
как куколка,
зрела,
осталось тело —
живого тела
бабочка улетела
[Кедров, 1990: 26];

Не видел ты алтарь там, как ходил

искать траву? — “Да что там можно видеть?
Там мрак такой, что я от страха **стыл**.
Один песок”. — “Ну ладно, хочешь выпить?”
[Бродский, 1992-1: 274].

Характерно, что такие формы с реставрированным синкретизмом глаголов-прилагательных, то есть восстановленные из глаголов и прилагательных причастия обозначают не активное действие, а состояние, связанное именно с утратой активности. При этом логический пассив приходит в противоречие с грамматическим активом.

Пониманию формы как краткого прилагательного способствует окончание женского рода множественного числа *-ы*, не совпадающее с окончанием глагола прошедшего времени *-и*:

Свалявшаяся пряжа — чаша праха
(но, может быть, конечно, и ландо),
горшок, куда летят как стрелы иглы,
на что они, когда мишени **гиблы**?
Колчан уж полн, узор плешив и редок
[Щербина, 1989: 457].

Заметим, что в древнерусском языке и у перфективных причастий на *-л* женского рода, ставших впоследствии глаголами прошедшего времени, было окончание *-ы*: *мужи суть гиблы*, но *жены суть гиблы*.

Возможна также омонимия глагола прошедшего времени с существительным, исторически восходящая к синкретизму имени существительного, прилагательного и причастия. В современных текстах этот синкретизм часто воспроизводится. Такой эффект наблюдается, например, при смещенном порядке слов:

Где сиреневая **мрела**
перевернутой дугою
тень от Синего моста —
там совсем уже другое
состояние — и стоя
вижу новые места
[Кривулин, 1990: 37].

Логический порядок слов предполагает чисто глагольную интерпретацию слова *мрела*⁴: **сиреневая тень от Синего моста мрела перевернутой дугою*.

Реставрация перфекта в единстве обозначения субъекта, его действия и качества ярко представлена у Бродского. Перфектная результативность глагола совмещена с сильной субстантивацией формы *сказал* и вовлечением в существительное его падежной парадигмы и фразеологизованного окружения:

“И он ему **сказал**”

<...>

“Один **сказал** другой **сказал** струит”

<...>

“И он **сказал**”. “Но раз **сказал** — предмет, То так же относиться должно к он’у”.

<...>

“Где? В он-ему-сказал’е или в он’е”.

<...>

“Лишь в промежутках он-ему-сказал’а”.

<...>

сказал’ом, наподобие инцеста”.

<...>

И Он Сказал носился между туч

<...>

“О как из существительных глаголет!”⁵

[Бродский, 1992-II: 112–127].

⁴ Ср. глагол в стихотворении О.Мандельштама “На высоком перевале ...”:

И бесстыдно розовеют

Обнаженные дома,

А над ними неба **мреет**

Темно-синяя чума [Мандельштам, 1995: 211].

Интертекстуальная переключка стихотворения Кривулина со стихотворением Мандельштама несомненна, что следует из тематической и ритмической общности текстов.

⁵ Анализируя эту поэму Бродского, К.Проффер обращает внимание на то, что вся поэма — это диалог, не содержащий сопроводительных слов “он сказал”, эти слова как бы вынуты из поэмы и все сосредоточены в приведенном фрагменте, где они сами становятся героями поэмы [Проффер, 1986: 138].

Аналогичная окказиональная субстантивация глаголов с большой степенью сгущения встречается и у других авторов. Всё это говорит о том, что категория бытийности приобретает особое, принципиально важное значение, и действие, состояние стремятся выразить себя через существительное, причем кратчайшим способом — не суффиксальным словообразованием, а частеречной трансформацией:

Есть племя *покинул* и племя *вернул*:
покинулы скорбно толпятся у ямы,
вернулы в парадный встают караул,
не зная друг друга, но слыша тамтамы.

Я осень *покинул* оставил в цвету
кустарщины пестрой туземных ремесел,
кладбищенский парк под дождем, на ветру
стонал и качался — и вот, я их бросил.

Я зиму *вернул* оглянул в белизне
лавин горностаевых, виснувших с неба
в отсчете секунд на стерляжьей блесне,
на струнах дрожащих гриппозного снега.

И ты между ними бродила, *верна*
тому, кто *вернул*, и тому чуженину,
кого ты *вернула*, — так вот он я, на
меня! Если только *покину* покину.

Но как это сделать! *Покинул* мне жаль
сменял их, “Прощанье славянки” по слуху,
мне спевших, глядевших кто в землю, кто вдаль, —
на стойких *вернул*, победивших разлуку.

Безумье мечтать, что верну я *верну*.
Пусть так — но хотя бы никто чтоб не сгинул,
я вытвердил, как чужеземец в плену,
за именем имя *вернул* и *покинул*.
[Найман, 1995: 95].

В этом тексте большинство окказиональных существительных типа *покинул*, *вернул* стоит в форме родительного падежа множественного числа женского рода или общего рода (от **покинула*, **вернула*). В пользу общего рода говорит большое количество визуальных существительных той же структуры: *воображала*,

вопила, задира́ла, зазывала, запева́ла, зубри́ла, ловчи́ла, надое́дала, обдира́ла, обжирала, обира́ла, подгоня́ла, подлипа́ла, подпева́ла, пристава́ла, притворя́ла, приклеба́ла, страши́ла и др. Вместе с тем, контекст позволяет трактовать слова типа *покинул, вернул* и как аналитически употребленные формы именительного падежа единственного числа мужского рода: курсив функционально аналогичен кавычкам, обычно оформляющим такие конструкции.

В стихах А. Левина превращение глагола в существительное включено в тексты, темами которых, собственно, и является субстантивация: любой референт способен быть представлен субстанцией:

Когда **Упал**, ударившийся оземь,
восстал опять, как древний **Победил**,
за ним возникло маленькое **Тише**,
шепча свое опасное **сказать**.

Когда **Упал** в сиянии косматом
повел **Никто** в загробное **Ура**,
за ним росло клубящееся **Тише**,
твердя свое отравленное **но**.

Когда **Упал** взлетел и, озаренный,
ушел один к небесному **темну**,
за ним стояло выросшее **Тише**
и лысых звезд касалось головой.
[Левин, 1995: 191];

За окном моим летали
две веселые **свистели**
Удалые **щебетали**
куст сирени тормошили.
А по крыше магазина
важно **каркали гуляли**
и большущие **вопили**
волочили взад-вперед.
Две **чирикали** лихие
грызли корочки сухие,
отнимая их у толстых
косолапых воркутов.

А к окошечку подсели
 две **кричали-и-галдели**
 и стучали в батарею,
 не снимая башмаков.
 [Левин, 1995: 24].

Проанализируем последний пример. Почти все преобразованные формы (кроме *летали* из заглавия “Разные летали” и *гуляли*) — глаголы звучания: *свистели*, *щебетали*, *каркали*, *вопили*, *чирикали*, *кричали*, *галдели* (ср. узуальное, но редко употребляемое слово *свиристели*, во множественном числе омонимичное глаголу)⁶. Временный предикат превращается в субъект, и звуки становятся именами. Изменение устраняет специфически глагольные значения времени и вида, но при этом сохраняет значение динамики, заложенное в глагольных основах: динамика освобождается от частных признаков. Возникают значение конкретности и одушевленности. Появляется потенциальная промежуточная форма **гуляль* или **гуляля* (с немаркированным грамматическим родом).

На восприятие форм влияют словообразовательные ассоциации - слова на *-аль*⁷. Это могут быть отглагольные существительные мужского рода со значениями лица и деятеля — *враль*, *коваль*, *строгаль*, существительные женского рода — *удаль*, *печаль*, *невидаль*, *падаль*, *капель*, **усталь*, *жаль* (все они генетически тоже отглагольны, хотя в современном языке их глагольность почти не ощутима); слова на *-аля* — существительные женского рода, обозначающие животных, птиц: *цапля*, *гуля* (!), *косуля*, *козюля* со значениями лица: *краля*, *тискаля*, *мямля*, *рохля*, *роднуля*, *капризуля*, *чистюля*, *грязнуля* (преимущественно экспрессивные оценочные, некоторые из них образованы от глаголов — *тискаля*, *мямля*, некоторые от прилагательных — *роднуля*, *чистюля*, *грязнуля*).

В результате окказиональное включение слов *свистели*, *щебетали*, *каркали*, *вопили*, *чирикали*, *кричали*, *галдели* в класс существительных актуализирует эти многочисленные парадигмати-

⁶ Ср. также:

И я свирел в свою свирель,

И мир хотел в свою хотель [Хлебников, 1986: 626].

⁷ Из словообразовательных ассоциаций наиболее очевидны однокоренные слова, и далее они не рассматриваются.

ческие связи и коннотации слов, входящих в перечисленные ряды. Значение признака легко включается в окказиональные слова, потому что форма прошедшего времени когда-то его уже имела, поскольку была кратким причастием.

Противоположно направленный процесс — активизация глагольных признаков у прилагательного — также представлена в современной поэзии многочисленными примерами: *Фонтаны сохлые забили* [Шварц, 1994: 89], *Под ногами теплый плот* [Шварц, 1995: 7], *Промерзлый домовой нас поцелует в лоб* [Шварц, 1995: 70], *Видим — на льдине живой воробей / Оледенелый* [Шварц, 1995: 11], *в оледенелой стране оленей* [Лосев, 1996: 62], *судьбина улетелого зверька* [Левин, 1989: 80], *Онуфрий квас жует протухлый* [Эрль, 1989: оп. 114; без паг.], *в сохлой шкурке двойной арахис* [Кублановский, 1993: 200], *В саде камневом, охладелом* [Юрьев, 1991: 151], *Меж деревьев гиблых вьется сизый дым* [Мионов, 1993: 76], *роща вздохнет онемелая* [Кенжеев, 1992: 78], *пеницилл, мукор плесельный* [Круглов, 1993: 46], *Ослеплый грешок — канва, а расплата — каемка* [Голышко, 1995: 569], *Усмотрит днесь воскресельный фараон* [Волохонский, 1994: 36], *Это дикий камень-тень, / Камушек отиелый* [Булатовский, 1995: 20], *Тропою в деревню, где слыл пропалым мужиком* [Сokolov, 1990: 174], *Приятель мой, мутант неотвердельный* [Щербина, 1994: 11], *по колдобинам набухлым / затрясет меня в рыдване* [Строчков, 1994: 182], *нога это нож заблестелого лезвия* [Суриков, 1996: 3].

Сохранению и усилению глагольности в этих и подобных случаях способствует приставка, несущая видовое значение. Наличие глагола с той же основой, который, несомненно, указывает на общность прилагательного с этой частью речи:

Он сказал: Земля **простыла**

<...>

И снова по земле горячей

Простылой тенью уходил

[Мартынова, 1991: 205].

В данном случае форма *простыла* способствует олицетворению, поскольку глагол *простыть* получил в языке устойчивое переносное значение ‘простудиться’. Но после восприятия формы

простылой к значению ‘простудиться’ добавляется этимологическое значение ‘промерзнуть; застыть насквозь, полностью’.

Возможным условием реставрации глагольных свойств у прилагательного на *-л* является его синонимия с современным причастием, обычным при нормативном употреблении:

Туда, в голодный нуль,
в заглот, за житом бывше-человечьим —
нас, **гиблых** ради —
Он себя вомкнул,
а нам утраты и оплакать нечем [ср.: **погибших*]
[Бобьшев, 1992 (а): 29];

Природа обновляет вид:
Сад распуститься норовит,
И сыроежка в хвое **палой** [ср. **опавшей*]
Раскрыла зонтик небывалый
[Крепс, 1992: 32].

В обеих цитатах глагольность усиливается еще и благодаря дефразеологизации прилагательных — ослаблению синтагматической зависимости, которую они имеют в нормативных сочетаниях *гиблое дело, палые листья*. Расшатывание синтагматики приводит к расширению значения и к оживлению этимологических связей прилагательного с глаголом. Этимологизация, усиливающая глагольность форм, осуществляется и другими способами, например, сближением родственных слов в контексте или перемещением ударения:

Что прошло, то и прошлое — пусть.

Стал я будущее ворошить.
... И все мучаюсь, и казнюсь,
Как неправильно буду жить
[Вишневский, 1992: 263];

Я зажигаю свет, и проступает стыд,
как тайнопись, меж строк **постыдных и постылых**
[Яснов, 1990: 32];

Это довольно **пошло**,
но дело мое **пошло**:
вначале в кровать дамаста-
прокруста вписался точно,
похрустывая аллитерацией ...
[Кальпиди, 1991: 186];

Нет, ничего не запомнил, но **гни́лую** воду под серыми
железно-закатными теми воротами запомнил
и выкатил обод, так тихо прошедший
по краю рифленого камня
[Аристов, 1992: 48].

П. М. Бицилли привел обширный материал возобновленного причастного употребления краткой формы на *-л* в текстах XVI — первой половины XIX вв. [Бицилли, 1996: 341–352]. Он объяснил это влиянием языка русской канцелярии, который отразил в своей структуре элементы просторечия, а также трудностями освоения иноязычных грамматик при переводах [указ. соч.: 343, 350]. По мнению Бицилли, “эта форма в более ранний период истории русской литературы не употреблялась в причастном значении, и поэтому невероятно, чтобы случаи ее употребления в таком значении в конце Московского периода и в XVIII в. были результатом некоего переживания ею ее истинной первоначальной функции” [указ. соч.: 349–350]; “После того как сознание образованных русских людей достигло своей зрелости, форма на *-л* как причастие окончательно исчезла из языка” [указ. соч.: 350]. Ущербность краткой формы причастия на *-л* Бицилли видел именно в ее грамматической неопределенности, которую предстояло, но было нелегко преодолеть.

Картина, которая складывается в современной поэзии, побуждает сделать вывод именно о переживании формой ее первоначальной функции. Вслед за, казалось бы, окончательным разграничением глагола и прилагательного начинает осваиваться тот семантический потенциал, который был свойствен причастию, объединяющему свойства этих частей речи. Видимо, современное сознание настоятельно требует активизации тех грамматических средств, которые могут выразить значение неопределенности.

Рассмотренный материал показывает, что во многих случаях именно поэзия языковой деформации хранит те свойства слова и формы, которые утрачены общеупотребительным языком и постоянно создает условия для их активизации. Отступление от нормы и актуализация морфолого-синтаксической неоднозначности в подобных случаях приводят к появлению грамматического тропа. Метафора и возникает всегда при нарушениях категориальных границ [Арутюнова, 1990: 81]. Обратим внимание на то,

что в случаях с глаголами прошедшего времени и прилагательными на *-лый* форма метафоризируется архаизацией грамматической структуры, а не опережением эволюционных процессов.

Грамматический троп в рассмотренных текстах тесно связана с лексическим: возвращение прилагательному глагольности ведет к делексикализации — расширению значения, что является действенным средством борьбы с языковой энтропией (главным делом поэтов). Расширение значения М. Л. Гаспаров называет седьмым тропом — антиэмфазой [Гаспаров, 1986]. Более широкое значение, чем современное, извлекается в данном случае из прошлых языковых состояний.

В заключение приведем высказывание В. Строчкова — одного из самых ярких и лингвистически интересных поэтов русского пост-модернизма — автора, разрабатывающего метод поэтической полисемантики: “Все объекты и явления нашей Вселенной проявляют себя принципиально многозначно <...> Что же до языка этого нового искусства, то он представляет собой, в сущности, некий метаязык, свободно оперирующий всем комплексом предыдущих языков, используя их в качестве слов в своих метавысказываниях” [Строчков, 1994: 377; 382].

Источники

- Айги Г. // Сегодня. 14 янв. 1995 г.
Аристов В. Отдаляясь от этой зимы. М., 1992.
Аронзон Л. // Вестник новой литературы. № 3. СПб., 1992.
Бобышев Д. Русские терцины и другие стихотворения. СПб., 1992 (а).
Бобышев Д. Полнота всего. СПб., 1992 (б).
Бродский И. Сочинения: В 3 т. СПб., 1992–1994.
Булатовский И. Белый свет. СПб., 1995.
Вишневский В. Спасибо мне, что есть я у тебя. М., 1992.
Волохонский А. Анютины глядки. М., 1994.
Гольинко Д. // Поздние петербуржцы. СПб., 1995.
Кальпиди В. Мерцание: Книга стихов. Пермь, 1995.
Кедров К. Компьютер любви. М., 1990.
Кенжеев Б. Стихотворения последних лет. М., 1992.
Кенжеев Б. Из книги AMO ERGO SUM. М., 1993.
Кибилов Т. Сантименты. Белгород, 1994.
Крепс М. Русский Пигмалион. Поэма. СПб., 1992.
Кривулин В. Обращение. Л., 1990.

- Круглов С. // Вавилон. Вестник молодой литературы. № 2. СПб., 1993.
- Кублановский Ю. Чужбинное. М., 1993.
- Левин А. // Молодая поэзия — 1989. М., 1989.
- Левин А. Биомеханика. Стихотворения 1983–1995 годов. М., 1995.
- Лосев Л. Чудесный десант. Tenefly, 1985.
- Лосев Л. Новые сведения о Карле и Кларе. СПб., 1996.
- Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995.
- Мартынова О. // Камера хранения. Вып. 2. СПб., 1991.
- Мионов А. Метафизические радости. СПб., 1993.
- Найман А. // Звезда. СПб., 1995. № 4.
- Соколов С. Между собакой и волком. М., 1990.
- Стратановский С. Стихи. СПб., 1993.
- Строчков В. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов. М., 1994.
- Суриков А. Тако-диноко. М., 1996.
- Хлебников В. Творения. М., 1986.
- Шварц Е. // Вестник новой литературы. Вып. 2. СПб., 1990.
- Шварц Е. // Вестник новой литературы. Вып. 8. СПб., 1994.
- Шварц Е. Песня птицы на дне морском. СПб., 1995.
- Щербина Т. // Порыв. Сборник стихов. Новые имена. М., 1989.
- Щербина Т. Ноль ноль. М., 1994.
- Эрль В. Хеленуктизм. СПб., 1989.
- Юрьев О. // Вестник новой литературы. № 3. СПб., 1992.
- Юрьев О. // Камера хранения. Вып. 5. СПб., 1991.
- Яснов М. Неправильные глаголы. М., 1990.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1990). “Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры”. *Res philologica. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова (1919–1986)*. Москва.
- Бехерт, И. (1982). “Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий”. *Новое в зарубежной лингвистике*. XI. Москва.
- Бицилли, П. М. (1996). *Избранные труды по филологии*. Москва.
- Виноградов В. В. (1972). *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. Москва.
- Гаспаров, М. Л. (1986). “Историческая поэтика и сравнительное стиховедение”. В книге: *Историческая поэтика*. Москва.

- Гройс, Б. (1995). “Полуторный стиль: социалистический реализм между модернизмом и постмодернизмом”. *Новое литературное обозрение*. 15.
- Есперсен, О. (1958). *Философия грамматики*. Москва.
- Кашкин, В. Б. (1980). “Перфект как субъективное время”. *Вестник Ленингр. ун-та*. № 20.
- Ковтунова, И. И. (1988). “Грамматическая многозначность в языке и речи”. *Русистика сегодня. Язык: Система и ее функционирование*. Москва: Наука.
- Ковтунова, И. И. (1990). “Проблема эволюции поэтического языка в XX веке”. *Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста*. Москва.
- Ковтунова И. И. (1993). “Теоретические вопросы”. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста*. Москва.
- Кузнецов, П. С. (1959). *Очерки исторической морфологии русского языка*. Москва.
- Обратный словарь русского языка*. (1974). Москва.
- Пешковский, А. М. (1938). *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Проффер, К. (1986). “Остановка в сумасшедшем доме: поэма Бродского “Горбунов и Горчаков””. *Поэтика Бродского*. Сборник статей под редакцией Л. В. Лосева. Tenaflu.
- Строчков, В. (1994). “По ту сторону речи. Послесловие автора”. В книге: Строчков В. *Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов*. Москва.

The transformation of parts of speech as a trope in contemporary Russian poetry (the correlations between the derivations of historical perfect)

The postmodernistic view of the contemporary world, in which no more the world itself nor language represents the system of binary oppositions, is expressed in Russian poetry: for example, in the metaphorization of grammatical forms in which the homonymy of form-generating language elements becomes activated, and the contexts that create morphological and syntactical ambiguity are generated. The evolution of form becomes explicit as a compositional device.

The author of this article bases her analysis of this last notion on the examples of the correlations between verbs and adjectives that are derived

from perfect. The analysis of poetical texts by different authors shows that on the one hand, the attributive features are attached to verbs; and on the other hand, that the features of verbs become activated in adjectives. The homonymy of verbs and adjectives is used as a poetical device. In all that can be seen the “return” of language forms to their original functions. The contemporary poetical language attributes the traits of metalanguage.

Sõnaliikide transformatsioon kui troop tänapäeva vene luules (endise perfektist tuletiste vastastikused seosed)

Tänapäeva postmodernistlik maailmavaade, mille kohaselt ei maailm ega keel ei kujuta endast enam binaarsete opositsioonide süsteemi, väljendub vene luules, näiteks, grammatiliste vormide metaforiseerumises: aktiveerub vormimoodustavate keeleelementide homonüümia, luuakse kontekste, millistest tuleneb morfoloogiline ja süntaktiline kahemõttelisus. Vormi evolutsioon kui selline saab eksplitseeritud kunstilise võttena.

Viimast tendentsi analüüsib artikli autor perfektist tulenenud vormide — tegu- ja omadussõna — vastastikuste seoste näitel. Erinevate autorite luuletekstide analüüs näitab, et ühelt poolt omistatakse tegusõnale atributiivseid tunnuseid ja teisalt, — omadussõnas aktiveeruvad tegusõna tunnused, tegusõna ja omadussõna homonüümiat kasutatakse kui poeetilist võtet. Kõiges selles võib näha keelevormide “naasmist” esialgsete funktsioonide juurde. Tänapäeva luulekeel omandab metakeelejooned.